

СУДЬБА Евгения Клячкина, одного из основоположников российской авторской песни, сложилась драматично. Он погиб неожиданно и трагически гражданином другой страны в далеком от нас Средиземном море 29 июля 1994 года – в Израиле, куда переехал несколько лет назад. Купался в море, когда отказало сердце. Была сильная волна. Все усилия спасателей и реаниматоров оказались безрезультатными.

Евгений Клячкин ушел из жизни в год своего шестидесятилетия. В марте он приезжал в свой родной Питер, где торжественно праздновался его юбилей. К этому времени героическими усилиями друзей, прежде всего Леонида Левина, Аллы и Марка Левитанов и Натальи Аккуратовой, вышла первая и, как оказалось, последняя прижизненная книга его песен "Не гляди назад". В книгу эту, прекрасно оформленную художником Юлией Далецкой, вошли как стихи, так и нотные строчки, разбитые на одиннадцать циклов.

В удивительном и чаще всего неисторжком синтезе его песен-монологов несущей конструкцией, как, возможно, определил бы сам автор, инженер-строитель по образованию, является не стихотворная строка, а сложная и гармоничная мелодия, придающая яркую авторскую интонацию каждой его песне. Песни Евгения Клячкина легко распознать среди других именно по этой щемящей струнной просодии. Он лирик, певец личности, бард "великого города с областной судьбой". Эта "питерская" неуютная любовь блокадного ленинградского мальчика, неизбывная, пожизненная привязан-

ность к покинутым дворцам, сырым, промозглым переулкам, обветшалым домам и каналам лежит в основе лучших его песен. Таких, например, как "Песня об утреннем городе", "Мокрый вальс", "Возвращение", "Колыбельная домов". Мне, тоже блокадному мальчишке, особенно близки его строчки:

*Я сквозь асфальт булыжник узнаю
и дровяные склады над травой...*

Клячкин – очень "питерский" бард. Может быть, именно поэтому мне всегда было трудно представить его поющим о солнечном Израиле.

Лирический герой Клячкина чрезвычайно близок к самому автору. В отличие от ярких разнообразных театральных персонажей Кима или Высоцкого это практически всегда один и тот же человек, одинокий и неприкаянный, откровенный и беззащитно-лиричный. "...И привычно нам щадить других, себя не защищая". Даже шуточные его песни наполнены, по существу, ерничеством и горьким сарказмом ("Почной Москве идет девчонка...", "Я был мальчишка глупенький...", "Завистливая песенка", "На Театральной площади"). Однако грустные песни удавались ему лучше. Они были более близки эмоциональному и искреннему автору, городскому интеллигенту, постоянно ощущавшему одиночество и тревогу.

Круг тем его песен как будто не очень широк: город, любовь, горькая любовь к равнодушной Родине, не надеющаяся на взаимность, природа, возвращающая автору душевное равновесие. В песне, посвященной другому барду, безвременному ушедшему из жизни Юрию Визбору, он написал: "Нас бог избавил от вранья..." Вот это полное отсутствие фальши, беззащитная искренность и прямота разговора всегда отличали его песни. Именно по-

лит. газета. — 1994. — 19 окт. — с. 6.

Спокойно глядя в небо

Евгений Клячкин: жизнь на фоне книги

этому с самого начала, еще с середины шестидесятых, Евгений Клячкин постоянно подвергался резкой критике (точнее, травле) со стороны партийно-комсомольских инстанций. Концерты его проводились полуподпольно. Не могло быть и речи о записи пластинок, о выступлениях по радио и телевидению. К партийным и комсомольским функционерам прикнули также профессиональные композиторы и музыковеды. Их почему-то раздражало, что человек с дипломом инженера-строителя оказался автором оригинальных и талантливейших мелодий. Действительно, Клячкина как мелодиста не спутаешь ни с кем. Об этом говорили не только барды Юрий Визбор и Сергей Никитин, но и один из величайших композиторов нашего времени – Альфред Шнитке. Да и сам Клячкин, как отмечала поэт и критик Наталья Аксельруд, признавался: "У меня есть стихи – мало, но есть. Но песня тогда становится песней, когда я чувствую, что этим стихам не хватает музыки и музыка докажет то, чего нет в словах..."

НЕ ПОЛУЧИВШИЕ официального признания песни Евгения Клячкина, широко расходившиеся по нашей огромной стра-

не, стали наряду с песнями Окуджавы, Галича, Высоцкого, Кима и Визбора основой "магнитофониздата". В середине шестидесятых годов он уже был частью жизни и культуры интеллигентной молодежи. Неслучайно Андрей Битов, в своей повести "Путешествие к другу детства" написавший об этих ребятах, отмечал "магнитофоны с Клячкиным и Визбором, их внимание к поэзии". Прошли десятилетия, но магнитофонные записи Евгения Клячкина все звучат, теперь уже для новых поколений.

В то время, однако, песни Евгения Клячкина могли исполняться по радио только по недосмотру властей. Так, в Сибири, в Академгородке, Юрию Кукину рассказали как-то, что познакомились с песнями Клячкина через радиопередачу, где известный композитор Зарицкий вдребезги разругал его творчество. Для примера "плохой песни" передали "Сигаретой опиши колечко..." И это был первый, кажется, случай, когда критическая передача повторялась трижды по многочисленным просьбам радиослушателей, которые не успели записать песню.

В феврале-марте 1964 года в Ленинграде проходил позорный процесс над поэтом Иоси-

фом Бродским. 2 марта Евгений Клячкин, выступая на концерте в клубе "Восток", заявил, что посвящает свое выступление Иосифу Бродскому, и спел несколько песен на его стихи, ставших затем широко известными. После этого его выступления надолго прекратились. Пожалуй, только Юрию Визбору удалось в те поры записать песни Евгения Клячкина на гибкую пластиночку звучащего журнала "Кругозор" и передать по радиостанции "Юность".

ЧУВСТВО одиночества, невозможность реализоваться как художнику, опасения за жизнь и благополучие своей семьи на фоне поднимающей голову "черной сотни" заставили Евгения Клячкина в 1990 году эмигрировать в Израиль. Ему казалось, что там, на свободе, вне советско-партийной системы удушения всего живого, вне всеобъемлющего "народно-государственного" антисемитизма он наконец обретет себя. Действительность, однако, оказалась иной. Его неоязыческие патристические восторги по поводу обретения новой родины быстро угадали из-за встретившего его безразличия. Песни "русскоязычного" автора Клячкина не получили в Израиле того признания, на которое он рассчитывал. Спрос на его выступления постепенно сходил на нет, а иногда они попросту запрещались. Совсем как когда-то в родной советской стране. Пришлось снова вспомнить о дипломе инженера-строителя, но и работу удалось найти с великим трудом. Для эмоционального и легкоранимого автора грустных питерских песен сложности и неурядицы жизни в новой и, как оказалось, во многом чужой стране были мучительны. Его друг Геннадий Гонтарь перевел ряд песен с русского на иврит, и Евгений не-

сколько раз выступал с ними. Однако песни в переводе уже что-то неуловимо теряли. С горечью говорил он мне в 1991 году в Тель-Авиве, что у него бывали минуты, когда он был близок к самоубийству. Все это не могло не сказаться на сердце, на которое он до того как будто не жаловался. Проблемы эмиграции, ее самоубийственная психологическая травма нашли яркое отражение в написанной еще в 1973 году, может быть, самой лучшей по стихам его песне: "Я прощаюсь со страной, где прожил жизнь – не разберу, чью". Надо сказать, что, переехав в Израиль, Евгений Клячкин не позволил себе ни одного критического замечания в адрес уже покинутой Родины, ибо точно понимал: "То, что больно прозвонит здесь, клеветой прошестит там".

Его песни лучше слушать, чем читать с листа. Они выросли на ленинградской культурной почве, для которой чужда ложная аффектация, эстрадный эмоциональный нажим. В них, как и в его любимом городе, преобладают "краски севера – полутона", царит атмосфера сдержанности, постоянного соотношения себя со строгим обликом классического города. Именно эти черты присущи стихам в лучших песнях Клячкина, поражающих своей словесной точностью.

Сейчас, когда Евгения Клячкина не стало и "изменились его портреты", мы снова обращаемся памятью к собственной юности, к старым песням, вошедшим в его единственную книгу. К песням, пронизанным многострадальной любовью к России, к родному Питеру, с которыми теперь уже навсегда связана его внезапно оборвавшаяся жизнь.

Александр ГОРОДНИЦКИЙ